

К 100-летию со дня рождения П. И. Чайковского

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

На мою долю выпало счастье быть учеником великого русского композитора П. И. Чайковского. Мы, учащиеся Московской консерватории, боготворили своего педагога, с жадностью следили за каждой написанной им нотой.

Помню, как болезненно переживали студенты враждебное отношение к Чайковскому музыкальной критики того времени. Мы бесконечно радовались, когда его друг П. Г. Рубинштейн, первый, угадавший гений композитора, всеми силами поддерживал Чайковского. Появлявшиеся оркестровые произведения Чайковского немедленно исполнялись в симфонических концертах, под управлением Рубинштейна; фортепианные пьесы Чайковского Рубинштейн играл на всех своих концертах.

Вне стен консерватории я впервые встретился с Чайковским в Киеве. Это было в конце августа 1877 года. Он переживал в тот период тяжелую душевную драму. Испытанное при этом нервное потрясение едва не стоило ему жизни.

Еще до болезни Петр Ильич задумал писать оперу «Евгений Онегин». Уже тогда музыкальные образы героев вырисовывались в уме композитора. Но только оправившись от болезни Чайковский начал работать над оперой.

В 1879 году опера была поставлена в Малом театре, исключительно в исполнении учащихся консерватории, под управлением Н. Г. Рубинштейна. Этот спектакль был выдающимся событием.

Одна из репетиций «Евгения Онегина» осталась особенно памятной. Это было в день генеральной репетиции в Малом театре. Я заболел. Рубинштейн знал о моей болезни, но так как изменить меня никто не мог, — пришлось играть. В одном месте Николай Григорьевич сделал мне замечание. Я обиделся и ушел из оркестра. Рубинштейн тут же, сгоряча, распорядился исключить меня, студента-выпускника из консерватории. После вмешательства Чайковского вся история закончилась полным примирением.

Говоря о Чайковском, нельзя ограничиться характеристикой его гениальности. Это был не только потрясающий музыкант, но и необыкновенно чуткий, отзывчивый, большой души человек. Сколько талантов, сколько юных дарований спас он от жестокой нужды.

Приезжая в Киев, Петр Ильич всегда расспрашивал меня о даровитых учениках Киевского музыкального училища. Тогда здесь учился талантливый юноша Леонид Николаев. Узнав о нем, Чайковский захотел послушать юного музыканта. Встреча произошла у меня на квартире. В течение нескольких часов Чай-

ковский слушал оперу юного композитора, делал замечания, помогал автору. Великий художник отметил тогда огромное музыкальное дарование Николаева и не ошибся. Сейчас Леонид Николаев — заслуженный деятель искусств, орденоносец, профессор Ленинградской консерватории.

В один из приездов Чайковского в Киев мы гуляли по аллеям городского сада. В симфоническом оркестре играл мой товарищ по консерватории. Он был одинок, жил бедно, часто болел. Когда Петр Ильич узнал об этом, он отложил свой отъезд из Киева только потому, что решил уплатить долги музыканта, дать ему возможность вернуться в Москву.

В памяти у меня сохранилось несколько курьезных случаев, происшедших с Чайковским в Киеве. Однажды мы отправились в драматический театр, который Петр Ильич очень любил. Ставили «Свадьбу Кречинского». В антракте (это было летом) симфонический оркестр в саду исполнял какую-то пьесу. Петр Ильич старался вспомнить, что это за вещь. Оказалось, что это было его собственное сочинение. Впоследствии друзья Чайковского, которым я рассказывал об этом случае, частенько наигрывали и напевали при нем отрывки из «Евгения Онегина» и шутя спрашивали композитора, не помнит ли он, откуда это. Такие шутки всегда веселили Петра Ильича.

Не могу также забыть одного случая из консерваторской жизни. Чайковский, дирижируя однажды консерваторским симфоническим оркестром, все время держался за бороду. Когда же мы, в антракте, спросили о причинах этого, он полусмущенно сознался, что делал это, волнуясь: ему казалось, что, если он не будет придерживать голову, она немедленно отвалится.

П. И. Чайковский очень любил Киев. Зеленые улицы, холмы города, широкая серебряная лента Днепра приводили в восторг композитора. В часы заката мы, бывало, полодгу, любовались пожаром, охватившим небо и воду. А как хороша лунная дорожка, рассекающая темную волю быстрой реки. В эти минуты лицо Чайковского менялось. В его вдохновенном взгляде отражалась глубокая мысль.

Чуть ли не полвека прошло с тех пор, но воспоминание о великом учителе и друге всегда свежо в моей памяти. Как часто смотришь на пожелтевшие от времени листки, писанные любимой рукой, смотришь на подаренные Петром Ильичем фотографии и, как живой, встает в памяти этот замечательный человек с задумчивыми глазами и ласковой улыбкой.

А. В. ХИМИЧЕНКО.
Профессор-орденоносец.